

**Владимир
РУДАК**

г. Петрозаводск

ИДЕАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

рассказ

Удивительно, как стремительно изменился сияющий мир. Та же дорога домой, но всё потускнело, обрело не-радостные оттенки. Неожиданно для себя и окружающих в очереди за бужениной с желтым скидочным ценником Гена слетел с катушек. Хотя полчаса назад даже не помышлял ни о какой буженине, пребывая в благостном состоянии от созерцания копии картины «Над городом» Марка Шагала. Он никогда не был поклонником и ценителем живописи. Но, увидев по «Культуре» сюжет об этой картине, понял, что хочет копию. Знакомый вахтёр из местного дома художников посоветовал ему обратиться к местному мастеру Альберту Велечинскому. Вахтёр сказал о нём много лестных слов, называя Врубелем регионального значения.

Встреча состоялась в небольшом кафе дома художников, сохранившем советский облик и низкие цены. Они сидели за деревянным столиком, ели крабовый салат, пили мандариновый лимонад и обсуждали будущую картину. Альберт был тучным, энергичным, с весёлым нравом. Громко хохотал над собственными несмешными шутками, потрясая бойкими тёмными кудрями. Он рассказал о своих достижениях на художественном поприще и тяжёлой участи немалого таланта из глубинки.

Молодёжь смотрит не в ту сторону, совсем не прислушивается к советам старших, а ведь он, простите, расписывал стены многих домов культуры в районах, будучи востребованным творцом в советский период.

Они ударили по рукам, Гена передал предоплату и стал терпеливо ждать. Спустя некоторое время вахтёр сказал, что Альберт впал в сезонную депрессию, лежит на даче, не отвечает на звонки, поэтому картину допишет его прилежный ученик, тоже недюжего таланта мастер. Позже и с талантливым учеником что-то не заладилось: он выбыл из строя по причине падения с электросамоката. Но, к великой радости Гены, нашлась жен-

щина-живописец, не страдающая свойственными творческим личностям отклонениями. Она дописала картину без приключений. Гена ликовал. По такому случаю он купил на барахолке большое кресло с высокой спинкой, витиеватой резьбой на торцах деревянных подлокотников и бордовой обшивкой. Вечером, приглушив свет, сел в кресло и, попивая чай, любовался картиной.

По сложившейся традиции воскресным днём Гена пришёл в общину «Ладное мирозданье», где он был на хорошем счету. По большей части сюда тянулись люди, которым оказалось мало обычного быта, душа желала трепета, единства и социализации. Гена всегда был открыт к просьбам духовного мастера — Ульриха. Выполнял различные поручения. Протирал клавиры — подарок от австрийского брата по духу, подметал пол, следил за порядком. В общине они говорили о культуре, её значении в формировании личности, о духовном взрослении. Не так давно в торжественной обстановке вручили ключи от кладовки и официально назначили завхозом. Сдерживая слёзы, он поднялся на сцену, поклонился соратникам по духу и принял ключи из рук самого старшины Ульриха. Играл клавиры, горели гирлянды, тонкими голосами звучало прославление, Гена еле сдерживал слёзы. Впервые в его жизни рядом находились люди, искренне радующиеся и поддерживающие его. В детстве и юности приходилось полагаться исключительно на собственные силы: ждать одобрения, а тем более поощрения вовсе не приходилось. Окружающий мир был неприветлив и строг.

Таисия сидела в конце зала за столом и занималась рукоделием. Гена на минуту застыл рядом с кулером, любясь этой молодой привлекательной женщиной. После приобретения картины он стал проявлять тягу к созерцанию прекрасного. Видел в привычных городских пейзажах архитектурные особенности, подмечал своеобразие течения жизни, игру света и сочетание цветов. Прохожие становились героями его мысленных полотен, на мгновение жизнь застыла в своем прекрасном проявлении. Испытывая душевный подъём, он одновременно огорчился, что не

стал художником, что его прошлые увлечения были бесконечно далеки от искусства. Они как будто боялись разменять детство на скучные занятия. Даже если бы он не стал известным художником, у него была бы прекрасная возможность создавать собственные миры не только в фантазиях, но и на холсте. Каждая картина — это возможность взглянуть на мир глазами другого человека.

Солнечный луч проходил сквозь тонкую занавеску, рассеиваясь, создавал вокруг Таисии золотистый ореол. Она неспешно нанизывала на нить бусины из самоцветов. Гена налил холодной воды в пластиковый стаканчик, не отрывая взгляда от прекрасной Таисии, жадно выпил все до дна. Затем пересёк зал, сел на покрытую прозрачным лаком деревянную лавку рядом с Таисией и стал наблюдать за ее чарующими движениями.

— Я же вижу, что вы хотите что-то мне сказать. Не медлите. Как говорит наш любимый Ульрих, время идёт и никого не ждёт. — Таисия не прекращала нанизывать бусины.

— Мне нравится смотреть, как вы работаете. Очень красиво получается.

— Мама научила рукоделию, она была известной мастерицей, мне до неё далеко.

— Сегодня погода хорошая. — Гена посмотрел на светящееся от солнца окно.

— Да, день чудесный. — Таисия посмотрела на Гена.

Их глаза встретились. Сердцу в его груди стало беспокойно. В первый же день своего посещения общины он обратил на неё внимание. Стройная, улыбка, в льняном платье с узорами. Длинные волосы, открытое красивое лицо. Ему хотелось, чтобы она взяла его за руку и увела в прекрасную даль.

— Вы знаете, как устроен рыбий глаз? — спросил Гена.

— Нет, — Таисия ухмыльнулась неожиданно-мудро.

— Вот, к примеру, у палтуса после рождения один глаз постепенно перемещается на сторону второго глаза, представляете. Мигрирующие глаза. А мы из них варим уху. И плевать нам на все эти тонкости.

— Вы об этом хотели поговорить, Гена? — Таисия улыбнулась.

— Нет, — Гена смотрел, как тонкие пальцы Таисии перебирали камни. Он представил, как она запускает пятерню в его волосы и взъерошивает их с залихватским смехом. А вот они бегут по петляющей между соснами тропинке к озеру. Их радостные возгласы разлетаются по густому лесу, вспугивая птиц. По стволам деревьев избегают беспокойные белки, шурша коготками по сухой коре.

— Расскажите, что вас терзает? — Таисия отложила рукоделие.

— Я хочу сдать ключи от кладовки, сложить полномочия завхоза и уехать. — Гена блуждал взглядом по камням в коробке.

— Куда? Зачем?

— Не могу больше мучиться. В Южно-Курильск. На крабовый завод.

— С чего это вдруг?

— А я на людей лаю и плююсь. Вот вам и душевное восхождение, о котором я тут плёл со сцены, когда меня завхозом назначали. Мне такие почести оказывали, застолье устроили. Торжество! А я не заслуживаю всего этого.

— Геннадий, вы извините меня, но я ничего не понимаю.

Гена сбивчиво поведал историю о том, как в магазине в ответ на замечание женщины в сбившемся наборе парике стал плевать.

— Что бы там ни случилось, я верю, что вы хороший человек, которому под силу справиться с любыми сложностями.

— Я ведь хотел угостить общину бужениной. Я представлял, как мы сядем за длинный деревянный стол, покроем его льняной скатертью, будем пить чай с бутербродами. Но ничего, я всё исправлю...

Откровения Гены прервал старейшина общины Ульрих.

— Дорогие мои совершцы! В древности танцы имели особое значение, далеко не развлекательное. Современные люди, конечно же, утратили значимость этого действия. У нас есть генетическая память, но, к великому сожалению, нет понимания. В наши дни танцы стали делом развлечения, не более. Мы забыли, что в первую очередь танец — это язык тела. Так наши предки выражали свои сомнения, радости и любовь. Я предлагаю сегодняшний вечер посвятить занятию по восстановлению

смыслового танца. Но прежде, как обычно, мы пригласим на эту сцену тех, кто подавал заявку на публичное выступление. — Ульрих поднял вверх кожаную папку. — Пользуясь случаем, хочу поблагодарить наших друзей из кожевенной мастерской «Быка за рога» за такую прекрасную папку с оригинальным тиснением. Если среди вас есть желающие приобрести изделия из кожи, то рекомендую посетить их интернет-магазин. Итак, а сейчас...

— Пстойте! Прошу вас! — Гена выбежал на сцену. — Дайте, пожалуйста, сказать несколько слов...

— Дорогой Геннадий, вы разве подавали заявку? — Ульрих раскрыл папку, начал перебирать листки.

— Нет, простите, я не мог решиться! Я не отниму много времени. Друзья! Я благодарен всем вам за то, что вы приняли меня в свою общину, вы добрые и светлые люди. Но мир очень сложно устроен. Вот, к примеру, взять камбалу, — заметив, что Таисия грозит кулаком, Гена прервался.

— Ладно, обойдемся без метафор. Вы оказали мне почести, выбрали завхозом. Но я не заслуживаю вашего доверия. Я плюнул в женщину. Ничто не оправдывает меня перед вами. Плюнул из-за какого-то куска буженины. Я ещё не достиг того уровня, чтобы считать себя полноправным завхозом. Кто-то скажет, мол, подумаешь, какие-то ключи от каморки, где швабры, тряпки и ведра. Но это! — Гена потряс ключами от кладовки на вытянутой руке. — Это ключи от сердца и души нашего сообщества. Пожалуйста, не уговаривайте меня остаться, я уже решил уехать подальше из этих краев. Возможно, вернусь. Дам знать! Но это ещё не всё. Нет ближе для меня людей, чем вы, поэтому с легкостью открываю своё сердце. Таисия! Дорогая, поедешь ли ты со мной в Южно-Курильск работать на крабозавод? Только с тобой я могу измениться. Не считите за слабость, это древнегреческая трагедия. Внутри меня битва!

Раздался гул одобрения, все прониклись словами Гены. Ульрих стал улыбаться и хлопать в ладоши. Его охотно поддержали присутствующие. Он подошел к Гене.

— Не сбивай Тасю с толку, её рукоделие приносит нам доход! Нам эти бусы дорого

обойдутся. Ты дурака валяешь, а мы прогорим! — тихо проговорил Ульрих, продолжая улыбаться.

— Мы будем вам присылать фаланги краба мелким оптом. Вы разбогатеете!

— Какие ещё фаланги?

— Это самая вкусная и ценная часть краба. Я читал!

— Это мы обсудим отдельно, а Тасю не сбивай с правильного пути!

— Я думал, вы за мой духовный рост! — ответил Гена.

— Конечно, а как иначе! Но ещё и за духовный рост всех остальных. Чем ты лучше других? Особенно учитывая твоё поведение. Мы собирались повесить твоё изображение, выполненное в технике бисера, рядом с другими выдающимися личностями нашей общины. Но теперь... Ты просил тебя не уговаривать остаться, вот и езжай куда хочешь, но только без Таси. Не тяни её в свой омут!

— Давайте я буду решать за себя! — неожиданно вмешалась Таисия. По её щекам гулял румянец. В глазах горели задорные огни. Она протиснулась между Ульрихом и Геной к микрофону.

— Родные мои, я хотела добавить, что на самом деле буженина была предназначена для вас. Он хотел сделать праздничное застолье. Геннадий старался для всех! Но его трепетная душа подверглась эмоциональному вихрю! Давайте его простим. Он потрясающий завхоз. Я не буду говорить о том, что все мы делаем ошибки. Но только вдумайтесь, ради того, чтобы порадовать всех нас, он претерпел такие душевные мучения. Давайте поддержим Геннадия!

Таисия стала хлопать в ладоши, её подхватили присутствующие. Ульрих снял с микрофонной стойки второй микрофон. Постучал по нему пальцем и поднял руку, ожидая, пока стихнут овации.

— И всё-таки на правах главы общины я хотел бы сказать, что нам нужно отправить Гену на промысел. Тем более что он сам этого хочет. Я очень ценю тот факт, что он поделился с нами своим поступком, что готов передать ключи более достойному кандидату и поехать на крабозавод. Непростительно человеку, ко-

торого назначили завхозом духовной общины, плевать в людей. Я лично готов оплатить Геннадию билет в Южно-Курильск. А ключи от кладовки торжественно перейдут в надёжные руки нашей великолепной Таисии.

— Мы здесь за равноправие, так ведь? — остро взглянув на Ульриха, спросила Таисия.

— Безусловно, в рамках разумного, конечно, — ответил Ульрих, вернув микрофон на место.

— Тогда простите, но мы же вас, уважаемый глава общины, не отправили в Арктику после инцидента с сотрудницей клининговой компании в той самой кладовке, о которой сегодня было сказано много высокопарных слов! И еще хочу напомнить, что сегодня истекает срок вашего правления. Да-да, мы как-то упустили это из виду. Сейчас, как мне кажется, самый подходящий момент провести голосование за нового старейшину. Давайте не будем терять время. Предлагаю рассмотреть кандидатуру Геннадия. Я уверена, что он поможет нам всем выйти на новый уровень духовности!

Гена попытался возразить, но Таисия не дала микрофон, мягко отстранив его руку в сторону.

— Прошу вас, поднимите руки, кто согласен с моим предложением?

К удивлению Гены, большинство членов общины подняли руки.

— Вот видишь! Ты нужен людям. Все переживания были посланы тебе для очищения. Ты нужен здесь! — Таисия с восхищением посмотрела на Гену. Ульрих чуть не упал, споткнувшись об микрофонный шнур. Тихо ругнувшись, он соскочил с подиума и быстрым шагом вышел из зала.

— Тася, прошепчи, пожалуйста, мне на ухо, что у меня всё получится, прошу. — Гена прикоснулся к руке Таисии.

— У тебя всё получится... Обещаю. Скажи что-нибудь, они ждут... Вечером я тебя поцелую!

— Друзья, сегодня самый неожиданный и прекрасный для меня день. Я стоял у подножья горы, склонив голову, и вот я уже на самой вершине, под моими ногами облака. Моим пределом мечтаний и поводом для проявления высокомерия была должность завхоза. Теперь вы меня выбрали своим ста-

рейшиной. Я с трудом верю в происходящее, моя душа торжествует от невиданного доселе милосердия, проявленного вами. Сказать, что я вам благодарен, это всё равно что пытаться перекричать водопад вашей доброты и благосклонности к моей персоне. Вы вернули мне возможность почувствовать себя настоящим, ощутить себя, ведь раньше я не мог осознать своего предназначения. Но повод ли это для внутренних перемен, ведущих к гордыне? Нет! Тот плевок в женщину дал мне почувствовать падение, стремительное и безжалостное. Вчера вечером я сидел перед картиной «Над городом» и пытался понять, кто эти мужчина и женщина, куда они летят. И что все это значит. Ведь мы знаем, что люди так вот запросто не летают. Сегодня я осознал, что это наш с Таисией небесный полёт! Я люблю вас! Анна Шульдовна, будьте добры, «Идеальный день».

Чарующие звуки клавира заполнили собой всё пространство. Гена подошёл к Таисии, они загадочно улыбнулись друг другу, взялись за руки и, оторвавшись от деревянного настила сцены, воспарили. Голоса участников общины смолкли, все наблюдали за тем, как Гена и Таисия, поднявшись в воздух на несколь-

ко метров, приняли горизонтальное положение и плавно вылетели в большое распахнутое окно. По нелепой случайности Альберт Велечинский оказался поблизости: он одиноко сидел на скамейке возле пруда, размышляя о своей запутанной судьбе. Увидев Гену и Таисию, он с почтением снял с головы шапку и, глядя вслед улетающей паре, прошептал:

— Я спасён!

А они летели себе над домами, парками и прудами, окутанные музыкой...

*(Для создания необходимой атмосферы
рекомендуется созерцать картину
Марка Шагала «Над городом»
под композицию Lou Reed «Perfect Day».)*

Владимир Иванович РУДАК

родился в 1968 году.

Прозаик, музыкант, кинорежиссёр.

Публиковался в журналах «Север», «Новая юность»,

«Южная звезда», «Лампа и дымоход», «Carelia».

Автор книг «Я — слон!» (2017), «Вечный сахар» (2009),

«Единственная стрела» (2014).

Рассказы и повести переведены на финский и немецкий языки.

Лауреат национальной премии имени Елены Мухиной

в номинации «И слово отзовется...».

Графический роман «Я — слон!» включён в список

лучшей мировой литературы для детей и подростков

по версии мюнхенской премии «Белые вороны».

Член Союза молодых писателей Карелии.

Живёт в Петрозаводске.

